

В-129

3446/5р

ВАЖА
ПШАВЕЛА

КОПАЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗАРЯ ВОСТОКА»

2 руб.

V.N. Karazin Kharkiv National University

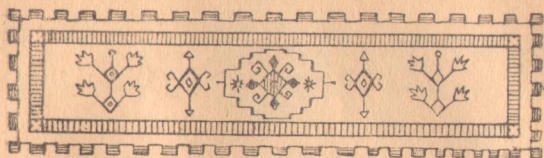
00427526

4

01X016

8c41

П-330 к

ВАЖА ПШАВЕЛА

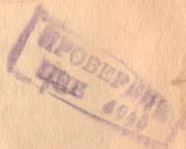

КОПАДА

ПЕРЕВОД С ГРУЗИНСКОГО
Б. СЕРЕБРЯКОВА

Центральна Научна
Библиотека

3116/23

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ЗАРЯ ВОСТОКА»
ТБИЛИСИ
1945

58

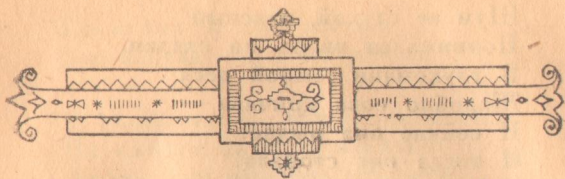
Редактор А. АБАШЕЛИ.

Тираж 10.000

Заказ 1995

У900509

Тбилиси, Типография «Заря Востока»,
Проспект Руставели, 36.

КОПАЛА

(Старинное сказание)

I

Не было луны на небе,
Звезд укрылись караваны;
От скитаний утомившись,
На горах легли туманы;
Погрузившись в думы, горы
Вниз смотрели на поляны:
Горемыки, видно, слезы
Проливали непрестанно.
Медленно текла Арагва,
Вся слезами истекала,

Шум ее глухой, неясный
Поднимался вверх по скалам.
В глухомани темной леса
Жалобно сова кричала,—
И сейчас она рыдает
И тогда она стонала!
Достигали сводов неба
Львиный рык и вой шакала;
Стая соколов кружилась,
Криком горы потрясала.
У реки олень склонился,
Чтоб испить воды студеной,
Но, следы заметив дэвов
На окрестных горных склонах,
Он взглянул на страшный, гневный
Лес, в молчанье погруженный.
Смолкло все. Не слышен боле
Разговор в лесу звериный,
С той горы и с этой странный
Грозный рев потек лавиной;
Словно в черных бурках, дэвы
Сверху ринулись в долины,
Грохоча, рванулись к рощам
Несусветной черной силой;
Руки, ноги их и лица
Кровь людская обагрила.
Ищут, — след не появился ль,
След звериный, человеческий, —

Не испил ли потихоньку
Кто-нибудь воды из речки.

В селах скорбь, как на погосте,
Ни единый звук не слышен;
Людам дом оставить страшно,
Каждый прячется под крышей.
Устремились в горы звери,
Ветер горный жадно пили;
За росой небесной птицы
Над землею тоже взмыли.
Кто посмел бы выпить каплю
Влаги, свежестью богатой?
Сохнет сердце, сохнет разум,
Брат пьет кровь родного брата;
Если этой нехватало,
Шли за ней к соседу в хату.
Из об'едков после пира
Дэвов жадных и свирепых,
Из скелетов человеческих
Вырастала башня-крепость.

Кто кого оплачет горько,
Если сам выносит муку?
На врагов неуязвимых
Кто поднять посмеет руку?
Если тучи появлялись
И дождало над землею,

— Дэвы дождь встречали воем,
Угрожали булавою, —
Унимался дождь, и тучи
Уходили стороною.
Смерть, казалось, стала жизнью
На земле завороженной.
Нет молящихся. Затеplit
Кто свечу перед иконой?
Чистоты, любви прообраз
И венок фиалок вянет;
Все, что землю украшает,
Все для червя пищей станет.
И к чему тогда на небе
Солнца свет, луны сиянье,
На горах цветов душистых,
Трав зеленых прорастанье;
Ласточек прилет весною,
Рокот бурных рек в ущельях,
Дня уход, рожденье ночи,
Сладость соловьиной трели?!
Неужели только дэвам
Пировать здесь в самом деле?!

Без людей на что им, дэвам,
Сила их? Свершить что может?
Почему ж на помощь людям
Не приходит сила божья?
И тела проклятых дэвов

Не гниют в земле почто же?
Почему бог мир весь отдал
Страшным дэвам на закланье?
Бог всегда во время бедствий
Был ведь нашим упованьем,
Он защитник наш, опора
В час тяжелых испытаний.
Не допустит он, чтоб прахом
Стало всякое дыханье!

II

По ночам еще темнее
Лес нетронутый, дремучий, —
Сосны, ели, вяз, осина,
Липа, толща трав колючих
И дубы, что встали густо,
Кронами упершись в тучи.
В гущу леса пасть не может
Света луч с небесной кручи,
Не видать нигде деревьев,
Срубленных рукой могучей;
Не звенел еще топор здесь,
Этот лес еще не хожен;
Только зверь здесь топчет травы,
Тура след лишь встретить можешь,
Как туман, здесь все окутал
Аромат цветов пригожих.
Пролетит порой, как птица,

По горам олень, встревожен;
Видно: барсы здесь топтали
Трав широколистных ложе.
Речки с плачем вниз сбегают
По оврагам к гор подножью,
И сова печально стонет,
Горе сердце ей тревожит.
Чья же это там обитель, —
Крест, покрытый мхом, над нею, —
Вознеслась на месте диком
С дверью каменной своею?!
С неба — бог защита храма,
Снизу — рать деревьев высоких.
И внутри, — кто этот старец
Со щитом багровым сбоку?
Булава в его деснице,
Держит крест рукой другою.
Отчего скорбит так старец,
Слезы катятся рекою?
Молит господа о чем он,
Горько плача и стеная?
С неба кто, стройны, как тополь,
Сходят вниз, — мечи сверкают?
Девять солнц и двадцать дисков
Лунных мир весь осветили,
Кличут ангелы Копале:
«Бог тебе дарует силу,
Булаву вручает, — должен

Ты разрушить мир насилья!»
Дэвы вопль подняли слезный,
Вся окрестность загудела:
«Гибнем, свет испепелил нас,
Глаз слепит, сжигает тело,
Тошно нам, нутро пылает,
Бедствие нас одолело.»

III

Сорвалась земля с нагорий,
Камни в бездну стали падать,
Здесь неистовствуют дэвы,
Скал срываются громады.
Шум стоит громоподобный,
Полетели стрелы градом.
Тетива упруге стала,
Дэвы катятся лавиной;
Трупы дэвов устилают
Лес, ущелья и долины.
Кто их вырастил такими?
Каждый, как гора Гергети,
Под какой тенистой рощей
Отдыхали дэвы эти?
Почему стрела Копалы
Разом на-земь их бросает,
Их, что по земле ступали,

Пыль до неба поднимая?
Дэвы свой теряют облик,
Новых сил удар встречая!
Не срастить своих голов им,
Сердцу жизнь вернуть не могут,
Испуская дух свой, гибнут,
Черной схвачены тревогой.
Трупы дэвов видны всюду,
Вся земля покрылась смрадом,
Из крови сраженных дэвов
Выползают змеи-гады.

«Сгиньте, сгиньте, силы злые! —
Их напутствовал Копала, —
Палачи людского рода,
Череда для вас настала.
Сгинь! Куда бежишь, Бегела?¹
Долго Пшавия стонала
Под пятой твоей, — пора уж,
Чтоб твое господство пало!»

Ниспадают в бездну ада
Дэвов раненные души.
Бесы с ними повстречались,
Неожиданно столкнувшись;
Подбоченившись, спросили
Дэвов, что случилось с ними.

¹ Имя царя дэвов.

Души дэвов закричали
Голосами не своими:
— Поразило дэвов небо,
Сжег нам тело свет небесный,
Нас отшельник уничтожил
Некой силою чудесной;
Сжег глаза нам свет великий,
Опалил тела, — нет мочи;
Нет житья нам в небе ясном,
Не спасет нас темень ночи.
И глаза закрыли дэвы,
В преисподней поселились;
Горько стонут, вспоминая
О былом своем всесильи.
Прах земной на них валится,
Льется дождь, текут потоки,
По лицу струятся слезы,
Холод мучает жестокий.
Дэвам некуда деваться,
Им закрыты все дороги.
Ни булав нигде не видно,
Ни мечей, щитов, как прежде, —
И воспрянуть над землею
Больше нет для них надежды!

IV

Рассвело. Росой алмазной
Снова луч сверкает пестрый.

Вновь Арагва улыбнулась,
Изгибаясь саблей острой.
Славословит мир победу,
Шлет Арагве поздравленья.
Все живое — звери, птицы —
На земле пришло в движенье, —
Из Арагвы жадно воду
Пьют рогатые олени.
Коршуны на трупы дэвов
Опустились с озлобленьем,
Посмотрите, — жажду серны
Утоляют с наслажденьем:
Много мук они терпели,
И теперь пришло спасенье.
Стар и млад несут кувшины,
Полные воды до края,
Избавителя от дэвов
Славят, руки воздевая.
Потерявший равновесье,
Мир теперь в себя приходит;
Корни влагой напитались,
Лист трепещет на свободе.
Барс напился. Жажду сердца
Утолив, довольный бродит.
Не постигнуть, как стерпел он,
Он, горячей полон прыти!
Нарушая тишь лесную,
Моет когти горный витязь;

Облака пошли свободно
По небесной, ясной выси,
Все в природе прояснилось,
Вспыхнул звезд волшебных бисер.
Снова жизнь возликовала,
Наступила вновь погода,
В красоту земли влюбленный
Соловей запел поодаль.
Слава господу! Отныне
Не страдает пусть природа!
И увядшая фиалка
Вновь покрылась пышным цветом;
Не грохочет голос дэва
Над землей цветущей этой.

V

Молний блеск и грома грохот,
Ливнем дождь с небес струится.
— Ты куда бежишь, Бегела?
От возмездия не скрыться!..
Дэвов царь оставил дэвов,
Ищет в храме он спасенья;
На груди сложивши лапы,
Пал Бегела на колени.

— Приношу тебе в подарок
Дэвов щит и меч, Копала.

Боевые их доспехи,
Злато, серебро, опалы,
Девять гор пещерных, полных
Драгоценностей немалых,
Сталь, которая от века
Не сгибалась, не ломалась.
Почему лишил нас силы
И сгубил ты нас, Копала?!
И у нас, у дэвов, тоже
Сердце к небу устремлялось,
Мы мечтали в благодати
Божьей видеть эти скалы.
Я хочу, чтоб небо так же,
Как тебя, меня бы чтило;
Если ты меня лишаешь
Силы, дай взамен другую.
С слабосилием, с безвољем
Примириться не могу я.
Почему бог дал тебе лишь
Эту силу без предела?
Я стократ тебя ведь больше
И стократ сильнее телом.
Что такое приключилось?
Сплю я, что ли?.. В чем тут дело?..
Заступи!.. И я пусть буду
Оделенным силой тою, —
Стану я тебе опорой,
Правою твоей рукою.

— Твоему не верю слову,
Гад проклятый, полный яда.
Не обманешь бога, мерзкий,
Мракобес, исчадье ада!
И добром владеть ты хочешь,—
Два иметь оружия в битве:
Злом орудовать, как саблей,
Добротою — для защиты.
Черной ночи ты чернее,
Так и сгинешь, станешь тленом.
В сердце доброе начало
Превратится в яд мгновенно.
Испытать крестом тебя я
Должен буду непременно.

И, поднявши крест, Копала
Произнес: — Целуй, Бегела!
Протянул Бегела губы, —
Не достать.. Немеет тело...
Он не смеет дотянуться
До креста. Сраженный громом,
Пал Бегела, полыхая,
Как горящая солома...

Начал корчиться от боли,
Вой он поднял небывалый;
Стон раздался, стон предсмертный,
Хрип потряс седые скалы.

От царя проклятых дэвов
Горстка пепла лишь осталась.
Черви черные ватагой
Расползлись из горстки этой,
В лес помчались, где фиалки
Распустились нежным цветом.

Синеокая фиалка
Поднялась в кисейном платье, —
Словно девушка тоскует
О своем умершем брате.
Ей бы цвести, весной любуясь,
Умываться бы росой, —
Не дают, терзают, гложут
Стан цветка ватагой злою.
Оттого и жизнь фиалки
С быстротой бежит такою.

Утро с вечером враждует,
С ночью спорит день румяный.
От скитаний утомившись,
На горах легли туманы.

1889 г.

Центральна Наукова

Бібліотека при АН УРСР

3116/об.

